

ИРКУТСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

№

3.

Адресъ редак-
ціи: уголь Лу-
говой и Пи-
рожковского
переулкa, д.
№ 27/1.

Цѣна за годо-
вое изданіе съ
доставкою и
пересылкою 5
руб. 50 к.

За объявленія за страницу въ первый разъ 8 рублей, во второй и третій разъ по 2 руб. далѣе по 1 руб. 50 коп. За половину и четверть страницы въ соотвѣтственное число разъ меньше.

Февраль 1. ГОДЪ ХЛІ. 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ ОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Опредѣленіемъ Иркутскаго Епархіальнаго Начальства отъ 31 декабря—12 января, за № 148, на праздное псаломщическое мѣсто къ Тубинской Кирико-Іудитской церкви назначенъ священнической сынъ Иннокентій Бонаровскій, а къ временному исполненію псаломщическихъ обязанностей при Балаганскомъ соборѣ назначенъ Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка запасной рядовой Василій Яковенко.

Резолюціей Его Высокопреосвященства діаконъ, состоящій на должности псаломщика при Троицкой церкви города Иркутска, Василій Пѣтелинъ перемѣщенъ на штатную діаконскую вакансію къ Михаило-Архангельской церкви города Иркутска; мѣсто псаломщика при Троицкой церкви объявляется вакантнымъ.

Резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 7 января 1904 года діаконъ, состоящій на должности псаломщика при Иркутской Михаило-Архангельской церкви, Михаилъ Богоявленскій перемѣщенъ на должность псаломщика къ Троицкой церкви города Иркутска; мѣсто псаломщика при Михаило-Архангельской церкви города Иркутска объявляется вакантнымъ.

Опредѣленіемъ Иркутскаго Епархіального Начальства отъ 2—14 января 1904 года за № 1 псаломщикъ Солонецкой Николаевской церкви Владиміръ Преображенскій, согласно прошенію его, уволенъ за штатъ; мѣсто псаломщика при Солонецкой церкви объявляется вакантнымъ.

Опредѣленіемъ Иркутскаго Епархіального Начальства отъ 19—31 декабря 1903 г. за № 981 священникъ Усть-Кудинской Казанской церкви Іоаннъ Сотниковъ, согласно прошенію, уволенъ за штатъ и псаломщикъ сей церкви Петръ Сотниковъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности; мѣста священника и псаломщика при Усть-Кудинской Казанской церкви объявляются вакантными.

Опредѣленіемъ Иркутскаго Епархіального Начальства отъ 12—19 января 1904 года за № 2 псаломщикъ Мухтуйской церкви Иванъ Псаломщиковъ перемѣщенъ къ Кежемской Ни-

колаевской церкви; мѣсто псаломщика при Мухтуйской Николаевской церкви объявляется вакантнымъ.

По распоряженію Его Высокопреосвященства Тихона, Архіепископа Иркутскаго и Верхотурскаго, празднованіе открытія мощей св. Иннокентія, 9 февраля, переносится, согласно церковному уставу, съ понедѣльника 1 недѣли Великаго поста на субботу мясопустную, т. е. на 7 февраля.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ ИРКУТСКИМЪ

Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

ФЕВРАЛЬ 1. № 3. 1904 г.

Архіерейскія служенія.

1904 г. Январь 1. Новый Годъ. Его Высокопреосвященство совершилъ Бож. Литургію и торжественный молебенъ на новый годъ въ Казанскомъ соборѣ. Сослужили: Каедр. протоіерей, Благочинный прот. В. Кобыловъ, сказавшій и слово во время причастна, свящ. Н. Саловаровъ и собор. причтъ. На молебнѣ присутствовали военные и гражданскіе чины и множество молящихся.

4 Января. Воскресеніе. Нед. 32. Владыко Архіепископъ совершилъ Божеств. Литургію въ Казанскомъ каедр. соборѣ въ сослуженіи соборнаго причта. Проповѣдь произнесъ свящ. Д. Гагаринъ.

5. Крещенскій сочельникъ. Его Высокопреосвященство совершилъ Литургію Св. В. Великаго съ вечернею и великое освященіе воды въ Богоявленскомъ соборѣ въ сослуженіи соборнаго причта.

6. Крещеніе Господне. Его Высокопреосвященство совершилъ всенощное бдѣніе въ сослуженіи соборн. причта и Бож. Литургію (соборне съ Преосвящ. Филаретомъ) въ Богоявленскомъ соборѣ. Сослужили за Лит. Ректоръ Семинаріи и соборн. причтъ. Затѣмъ совершенъ былъ крестный ходъ «на Іордань» на р. Ангару. Присутствовали войска со зна-

менемъ, военные и гражданскіе чины и множество молящихся, коими и вся предсоборная площадь была сплошь заполнена. Проповѣдь произнесъ свящ. М. Засимовскій.

11. Воскр. Владыка Архіепископъ совершилъ Божеств. Литургію и молебень въ дом. цер. Преп. Михаила Ылопскаго въ Сибиряковскомъ домѣ призрѣнія бѣдныхъ по случаю престольнаго праздника. Сослужащіе—по приглашенію настоятеля церкви.

Еженедѣльно по четвергамъ Владыка совершаетъ панихиды по въ Бозѣ почившихъ Иркутскихъ архипастыряхъ въ Богоявленскомъ соборѣ у гробницы Блажен. Епископа Софронія, а по пятницамъ—Божеств. Литургію, акаѳистъ и похвалу Богоматери въ своей Крестовой церкви.

Мы слышали, что въ образцовой школѣ при Иркутской духовной семинаріи предполагается открыть воскресную школу и религіозно-нравственныя чтенія для народа, а кромѣ того преподаватели семинаріи намѣрены вести еще и чтенія для интеллигентной публики. И то, и другое, и третье, конечно, прекрасныя начинанія, особенно послѣднее, и мы от души желаемъ, чтобы на этотъ разъ лекторы никуда не уѣзжали «по дѣламъ службы» предъ своими чтеніями и чтенія вълѣдствіе этого не останавливались.

Къ характеристикѣ Преосвященнаго Ириная, бывшаго Архіепископа Иркутскаго.

Въ № 22 Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1895 годъ Д. М. Хрусталевымъ была помѣщена статья о Преосвященномъ Иринаѣ, Архіепископѣ Иркутскомъ, управлявшемъ Иркутскою епархіей съ 17 октября 1830 г. по 5 сент. 1831 г. Рассказывая извѣстное дѣло о столкновеніи преосвящ. Ириная съ генераль-губернаторомъ Лавинскимъ и

передавая содержаніе доноса прот. Парнякова на Иринея, Д. М. рисуетъ преосвященнаго, какъ личность непонятую современниками, личность загадочную. Такъ какъ о предыдущей дѣятельности преосв. Иринея, до назначенія его въ Иркутскъ, Д. М., видимо, не могъ собрать никакихъ свѣдѣній, то поступки преосвященнаго, о которыхъ рѣчь идетъ въ его статьѣ, дѣйствительно являются необъяснимыми, а личность его загадочной. Поэтому едва-ли будетъ лишнимъ, если въ дополненіе къ статьѣ Д. М. мы передадимъ еще нѣсколько воспоминаній о преосвященномъ его современниковъ, воспоминаній, которыя не были извѣстны Д. М. Я говорю о рассказѣ Лѣскова «Кадетскій монастырь» и «Запискахъ Э. И. Стогова,» помѣщенныхъ въ «Русской старинѣ» за 1903 годъ. Первая изъ названныхъ статей относится ко времени законоучительства преосвящ. Иринея въ Первомъ Петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, когда онъ былъ еще архимандритомъ. Иринея рисуется здѣсь самыми симпатичными чертами, какъ умный и добрый человѣкъ, горячо и искренно любимый кадетами, и какъ прекрасный законоучитель, умѣвшій говорить съ дѣтьми на понятномъ для нихъ языкѣ. «Онъ былъ, говоритъ авторъ записокъ, небольшого роста, сухощавъ и брюнетъ, энергическій, живой, съ звучнымъ голосомъ и весьма пріятными манерами, любилъ цвѣты и занимался для удовольствія астрономіей. Изъ окна его комнаты, выходившей въ садъ торчала мѣдная труба телескопа, въ который онъ вечерами наблюдалъ звѣздное небо. Онъ былъ очень уважаемъ Перскимъ (начальникомъ корпуса) и всѣмъ офицерствомъ, а кадетами былъ любимъ удивительно. Мнѣ теперь думается, да и прежде въ жизни, когда приходилось слышать легкомысленный отзывъ о религіи, что она будто скучна и бесполезна,—я всегда думалъ: «вздоръ мелете, милашки, это вы говорите только отъ того, что на мастера не попали, который бы васъ заинтересовалъ и раскрылъ вамъ эту поэзію

вѣчной правды и не умирающей жизни». А самъ сейчасъ думаю о томъ послѣднемъ архимандритѣ нашего корпуса, который навѣки меня облагодѣтельствовалъ, образовавъ мое религіозное чувство. Да и для многихъ онъ былъ такимъ благодѣтелемъ. Онъ училъ въ классѣ и проповѣдывалъ въ церкви, но мы никогда не могли его вволю послушаться, и онъ это видѣлъ: всякій день, когда насъ выпускали въ садъ, онъ тоже приходилъ туда, чтобы съ нами разговаривать. Всѣ игры и смѣхи тотчасъ прекращались и онъ ходилъ, окруженный цѣлою толпою кадетъ, которые такъ тѣснились вокругъ него со всѣхъ сторонъ, что ему очень трудно было подвигаться. Каждое слово его ловили. Право, мнѣ это напоминаетъ что то древнее, апостольское. Мы передъ нимъ были всѣ открыты: выбалтывали ему всѣ наши горести, преимущественно заключавшіяся въ докучливыхъ преслѣдованіяхъ Демидова (главный директоръ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ) и особенно въ томъ, что онъ не позволялъ намъ ничего читать. Архимандритъ насъ выслушивалъ терпѣливо и утѣшалъ, что для чтенія впереди будетъ еще много времени въ жизни, но такъ же, какъ Зеленскій (кадетскій врачъ), онъ всегда внушалъ намъ, что наше корпусное образованіе очень недостаточно и что мы должны это помнить, и по выходѣ, стараться приобрѣтать познанія... Проповѣди его не были подготовленныя, очень простыя, теплыя, всегда направленныя къ подъему нашихъ чувствъ въ христіанскомъ духѣ, и онъ произносилъ ихъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, который долеталъ во всѣ углы церкви. Уроки же или лекціи его отличались необыкновенною простотою и тѣмъ, что мы могли его обо всемъ спрашивать и прямо, ничего не боясь, высказывать ему всѣ наши сомнѣнія и бесѣдовать. Эти уроки были нашъ бенефісъ, — нашъ праздникъ. Какъ образецъ, приведу одну лекцію, которую хорошо помню. «Подумаемъ, такъ говорилъ архимандритъ, — не лучше ли было бы, если бы

для устранения всякаго недоумѣнія и сомнѣнія, которыя дѣлаются такъ много лѣтъ, Иисусъ Христосъ пришелъ не скромно въ образѣ человѣческомъ, а сошелъ бы съ неба въ торжественномъ величіи, какъ божество, окруженное сонмомъ свѣтлыхъ, служебныхъ духовъ. Тогда, конечно, никакого сомнѣнія не было бы, что это, дѣйствительно, божество, въ чемъ теперь очень многіе сомнѣваются. Какъ вы объ этомъ думаете? Кадеты, разумѣется молчали. Что тутъ кто-нибудь изъ насъ могъ бы сказать, да мы бы на такого говоруна и разсердились, чтобы не лѣзъ не въ свое дѣло. Мы ждали его разъясненія и ждали страстно, жадно и затаивъ дыханіе. А онъ прошелся передъ нами и остановясь, продолжалъ такъ: «Когда я, сытый, что по моему лицу видно, и одѣтый въ шелкъ, говорю въ церкви проповѣдь и объясняю, что нужно терпѣливо сносить холодъ и голодъ, то я въ это время читаю на лицахъ слушателей: «хорошо тебѣ, монахъ, рассуждать, когда ты въ шелку да сытъ. А посмотрѣли бы мы, какъ бы ты заговорилъ о терпѣніи, если бы тебѣ отъ голода животъ къ спинѣ подвело, а отъ стужи все тѣло поспинѣло». И я думаю, что если бы Господь нашъ пришелъ въ славѣ, то и Ему отвѣчали бы что нибудь въ этомъ родѣ. Сказали бы, пожалуй: «Тамъ Тебѣ на небѣ отлично, пришелъ на время и учишь. Нѣтъ, вотъ, если бы ты промежъ насъ родился, да отъ колыбели до гроба претерпѣлъ, что намъ терпѣть здѣсь приходится, тогда бы другое дѣло». И это очень важно и основательно, и для этого Онъ и сошелъ босой и побрелъ по землѣ безъ пріюта». Но уже во время службы въ корпусѣ Ириней случалось проявлялъ ту прямолинейность, которая позднѣе привела его къ цѣлому ряду эксцентричностей и наконецъ къ заключенію въ монастырь. Прямолинейность эту Ириней обнаружилъ въ столкновеніи съ начальникомъ корпусовъ Демидовымъ. Демидовъ былъ чрезвычайно суевѣренъ и боялся крестовъ. «Одинъ разъ замѣтивъ, гово-

рить авторъ воспоминаній, что Демидовъ, гдѣ ни завидитъ крестъ, сейчасъ крестится и обходитъ, мы начали ему всюду готовить эти сюрпризы; въ тѣ дни, когда можно было ожидать, что онъ пріѣдетъ въ корпусъ, у насъ уже были приготовлены кресты изъ палочекъ, изъ цвѣтныхъ шерстинокъ или даже изъ соломинокъ. Они дѣлались разной величины и разнаго фасона, но особенно хорошо дѣйствовали кресты въ родѣ надмогильныхъ съ покрывечками. Ихъ особенно боялся Демидовъ... Ни за что рѣшительно онъ не могъ наступить на ступеньку, на которой былъ брошенъ крестикъ. То же самое было, если крестикъ оказывался на полу посреди проходной комнаты, чрезъ которую лежалъ его путь. Онъ сейчасъ отскочить, закрестится и уйдетъ, и намъ въ этотъ разъ полегчаетъ, но потомъ начнется дознаніе и окончится или карцеромъ для многихъ, или даже наказаніемъ на тѣлѣ для нѣкоторыхъ. Архимандрита это возмуцало, и хотя онъ намъ ничего не говорилъ на Демидова, но одинъ разъ, когда подобная шалость окончилась обширной раздѣлкой на тѣлѣ многихъ, онъ поблѣднѣлъ и сказалъ: «Я запрещаю вамъ это дѣлать, и кто меня хоть немножко любитъ, тотъ послушается.» И мы дали слово не метать больше крестиковъ, и не металы, а рядомъ съ тѣмъ, въ слѣдующее же воскресенье, архимандритъ, по окончаніи обѣдни, сказалъ въ присутствіи Демидова проповѣдь «о предразсудкахъ и пустосвятствѣ», гдѣ только не называлъ Демидова по имени, а перечислялъ все его ханжескія глупости и даже упомянулъ о крестикахъ. Демидовъ стоялъ полотно бѣлѣе, весь трясся и вышелъ, не подойдя къ кресту, но архимандритъ на это не обратилъ никакого вниманія... Чрезъ недѣлю, въ воскресенье, слѣдовавшее за знаменитою проповѣдью «о предразсудкахъ», Демидовъ не сманкировалъ, а пріѣхалъ въ церковь, но, опоздавъ, вошелъ въ половинѣ обѣдни. Онъ до конца отстоялъ службу и проповѣдь, которая на этотъ разъ касалась вещей обыкновен-

ныхъ и ничего остраго для него въ себѣ не заключала; но тутъ онъ выкинулъ удивительную штуку, на которую архимандритъ отвѣтилъ еще болѣе удивительною. Когда архимандритъ, возгласивъ: «благословеніе Господне на васъ», закрылъ царскія двери, Демидовъ вдругъ тутъ же въ церкви гласно съ нами поздоровался. Мы, разумѣется, какъ привыкли отвѣчать громко, отвѣчали ему: «Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство» -- и хотѣли уже поворачиваться и выходить, какъ вдругъ завѣса, гремя колечками по рубчатой проволокѣ, неожиданно распахнулась, и въ открытыхъ царскихъ дверяхъ появился еще не успѣвшій разоблачиться архимандритъ. — «Дѣти, я вамъ говорю, — воскликнулъ онъ скоро, но спокойно: въ храмъ Божіемъ умѣстны только одни возгласы, — возгласы въ честь и славу Животворящаго Бога и никакіе другіе. Здѣсь я имѣю право и долгъ запрещать и приказывать и я вамъ запрещаю дѣлать возгласы начальству. Аминь. Онъ повернулся и закрылъ двери. Демидовъ поскакалъ жаловаться, и архимандритъ отъ насъ выѣхалъ».

Совершенно иначе рисуется Иринея, тогда уже архіепископъ Иркутскій, въ «Запискахъ Стогова». Во всѣхъ его поступкахъ, пишетъ Стоговъ, выражалась пылкая южная природа. Служилъ онъ удивительно: самая простая молитва «Во имя Отца и Сына» произносилась имъ такъ, что вызвала необыкновенное благоговѣніе. Но за то во время служенія онъ былъ весьма строгъ съ духовенствомъ. Требования его со служащими съ нимъ были безмѣрны: за ошибки, за малѣйшее несоблюденіе въ одеждѣ, за неостановленіе при чтеніи на запятой, — протопопы, попы, діаконы, чтецы ставились на колѣна и били поклоны; почти ни одной службы не проходило безъ взысканія.

Въ Иркутскѣ много церквей, и богатое купечество чванилось угожденіемъ владыкъ. Въ праздники архіерей не имѣлъ заботы о завтракѣ. По заведенному порядку, купечество въ

его палатахъ хлопотало о роскошномъ угощеніи и ссорилось между собою при рѣшеніи вопроса, кому угощать. Иринеи былъ строго разборчивъ въ выраженіи ему почитанія, требовалъ занимательнаго разговора и самъ не стѣснялся въ выраженіяхъ; если что не понравится, то наговорить укоризнъ и хозяину и гостямъ. Богатѣйшій купецъ Сибиряковъ упротсилъ меня быть у него на обѣдѣ въ день престольнаго праздника въ его приходѣ. Не любилъ я этихъ безконечныхъ и жирныхъ купеческихъ обѣдовъ, но къ Сибирякову поѣхалъ. Посадили меня въ головѣ стола противъ Иринея. Я заговорилъ о великомъ значеніи приличія и соблюденія торжественности въ храмѣ и будто къ слову похвалилъ увлекательный голосъ архіерея и прочувствованныя имъ слова молитвъ. Все это видимо понравилось, и Иринеи развеселился. Я тогда хорошо помнилъ Библію, начитался вольтеровщины, и мнѣ легко было занимать Иринея. Купцы были въ восторгѣ, что владыка былъ веселъ и не унижалъ ихъ сарказмами и колкостями. Благодарностей мнѣ было цѣлый коробъ. Послѣ этого, гдѣ только престольный праздникъ, тамъ богатый купецъ-прихожанинъ пріѣзжалъ просить меня обѣдать. Иринеи любилъ поболтать о запретномъ, но конечно не нарушая важности своего сана, и самъ признавался мнѣ, что при его пылости, для отвращенія обуревающихъ его страстей носилъ фантанели на обѣихъ рукахъ. Духовенству было не подъ силу переносить строгость владыки, и вотъ противъ него составила коалиція. У генераль-губернатора была своя церковь и превосходные пѣвчіе изъ казаковъ. Постоянные наговоры протопопа генераль-губернаторской церкви, преувеличенные до крайности рассказы о строгости Иринея, доходящей до странности, охладили Лавинскаго къ владыкѣ. Въ Иркутскѣ не было ни одного мѣста для гулянья, а между тѣмъ на берегу Ангары было большое порожнее мѣсто, на которомъ стояла церковь. Все мѣсто около церкви засадили кустарниками,

сдѣлали дорожки, и вышло хорошо. Иринея по капризу возсталъ противъ устройства этого публичнаго гулянья, завелъ переписку о неприличіи гулянья около храма Господня. Эта переписка росла и довела его до ссоры съ губернаторомъ. Духовенство воспользовалось ею, и явились протесты духовенства: о неприличныхъ выраженіяхъ Иринея во время служенія. Въ одинъ изъ высокаторжественныхъ дней генераль-губернаторъ Лавинскій пріѣхалъ въ церковь въ особомъ мундирѣ, шитомъ золотомъ и установленномъ генераль-губернаторамъ для важности, когда они принимали китайскихъ посланниковъ, сидя подъ портретомъ государя. Служилъ обѣдню, конечно, владыка, и, по совершеніи тайнъ, священникъ выходя изъ алтаря съ книжкою для прочтенія: «Благословляяй, благословляющія Тя Господи» — по принятому обычаю, сдѣлалъ поклонъ генераль-губернатору. Только священникъ поклонился, какъ Иринея вернулъ его и спросилъ: кому онъ кланялся? — Ты кланялся златому тельцу, — сказалъ онъ, — тогда какъ присутствуетъ въ церкви намѣстникъ Христа — на колѣна и сто поклоновъ!

Иринея произнесъ это очень громко, церковь была полна народомъ. Лавинскій отправилъ курьера съ донесеніемъ о поступкахъ Иринея, а послѣдній послалъ своего, съ заявленіемъ о притѣсненіи народа и о гнилой мукѣ, смѣшиваемой съ пескомъ и въ такомъ видѣ выдаваемой войску. На донесеніе Лавинскаго послѣдовало Высочайшее повелѣніе Синоду: вызвать Иринея въ Петербургъ, а генераль-губернатору заботиться о спокойномъ путешествіи архіепископа и для услугъ его дать на время пути одного изъ чиновниковъ особыхъ порученій. Указъ Синода былъ печатный. Основываясь на законѣ, состоявшемся при Екатеринѣ, что если кто усумнится въ подлинности указа Государева, тотъ имѣетъ право требовать повторенія, съ приложеніемъ печати, Иринея не

призналъ указа настоящимъ и отказался исполнить его до повторенія.

Между тѣмъ, экипажъ для Иринея былъ приготовленъ, и чиновникъ Голубевъ командированъ для услугъ ему. Было ли то простое воскресенье или праздникъ—не помню, но Голубевъ рано утромъ явился къ Иринею. Голубевъ былъ огромнаго роста, головою выше Иринея.

—Удачно выбрали такого молодца, —сказалъ Иринею; у тебя довольно силы, чтобы дорогою задушить меня, а послѣ сказать, что я самъ себя убилъ, —это хорошій способъ отдѣлаться отъ меня. Если гражданское начальство писало противъ меня, то и я писалъ противъ гражданского начальства. Теперь я стою съ нимъ на одной доскѣ, и насъ разсудитъ высшая власть, а потому я не считаю нужнымъ входить въ какія-либо сношенія съ гражданскимъ начальствомъ, а чтобы ты, молодецъ, не могъ исполнить тайнаго порученія, то пойдемъ со мною.

Онъ взялъ Голубева крѣпко за руку и привелъ на унтеръ-офицерскій караулъ у воротъ города на выѣздѣ, гдѣ приказалъ арестовать его. Умный унтеръ отказалъ. Тогда архіерей повелъ Голубева на главную гауптвахту, вызвалъ караулъ и объявилъ, что онъ, не подчиняясь гражданскому начальству, отдается подъ охрану начальства военнаго, и приказалъ арестовать Голубева, какъ злоумышлявшаго на него. Не разобравшій дѣла офицеръ арестовалъ Голубева. Правитель канцеляріи генераль-губернатора Кабрать, случайно ѣхавшій мимо, вздумалъ уговаривать Иринея, а тотъ и его приказалъ взять подъ арестъ. На эту исторію наѣхалъ я и, узнавши въ чемъ дѣло, поспѣшилъ къ Лавинскому и доложилъ ему. Лавинскій, надѣвъ виць-мундиръ и звѣзды, пошелъ со мною на гауптвахту, гдѣ Иринею разглагольствовалъ съ собравшимся народомъ, рассказывалъ о своихъ отношеніяхъ къ гражданской власти и что онъ не можетъ довѣрять

этой власти, а отдается подъ защиту власти военной и всего народа, за которыхъ онъ заступникъ передъ Государемъ. Онъ говорилъ народу громко съ увлеченіемъ; волосы его были растрепаны. Лавинскій растерялся и, обратившись ко мнѣ, сказалъ одно слово: «привезите!» Времени терять было нельзя; видимо Ириной пошелъ на проломъ и рѣшился произвести народный бунтъ. Я сѣлъ на свои дрожки и поѣхалъ къ коменданту Покровскому. Покровскій струсилъ и говорилъ, что онъ боленъ.

—Я знаю, что вы больны,—сказалъ я рѣзко,—но я отвезу васъ мертваго; надѣвайте мундиръ, а не то и такъ повезу!

Покровскій надѣлъ мундиръ, сѣлъ на мои дрожки, и мы отправились. Дорогой, онъ меня спрашивалъ, что ему тамъ дѣлать? Я совѣтовалъ, чтобы онъ рѣшительно взялъ Ириной подъ свое покровительство и, высказавъ увѣренность въ его правотѣ, пригласилъ бы архіерея возвратиться въ свои кельи. Ириной все еще съ жаромъ проповѣдывалъ народу, который покрылъ всю площадь. Пока Лавинскій сказалъ нѣсколько словъ коменданту, я подошелъ къ Ириной и сказалъ ему шопотомъ, что онъ играетъ въ глупую игру. Тутъ подошелъ комендантъ и взялъ его подъ свое покровительство и повелъ домой. Лавинскій и всѣ присутствовавшіе пошли за ними. Лишь только Ириной вошелъ въ свои комнаты, какъ явился коротенькій, пузатый, съ короткими ногами и руками прокуроръ. Ириной обратился къ нему съ протестомъ, говорилъ добрыхъ полчаса съ жаромъ, но прокуроръ (жалѣю, забылъ его фамилію), выставивъ ножку впередъ, не шевельнулъ глазомъ, не сказалъ и полслова, а стоялъ какъ статуя. Ириной пересталъ говорить и отошелъ, прокуроръ повернулся на одной ножкѣ и тоже отошелъ. Не встрѣчая ни въ комъ участія, Ириной приунылъ, сталъ молчаливъ и понялъ, что дѣло его проиграно. Между прочимъ, къ его дому привели роту солдатъ. Мы всѣ отправились къ Ла-

винскому, составили тамъ актъ всему происшествію и подписали, кажется, 130 человекъ служащихъ свидѣтелей; этотъ актъ съ курьеромъ былъ посланъ прямо къ государю.

Наступила зима. 6-го декабря былъ балъ у Лавинскаго. При началѣ бала, Лавинскій, серьезно проходя мимо, сказалъ:

—Идите въ кабинетъ, прикажите никого не пускать, займите гостей и распорядитесь, чтобы они были довольны.

Спустился я внизъ, въ кабинетъ, и нашелъ тамъ по дорожному еще въ шубахъ трехъ человекъ. Я пригласилъ ихъ раздѣться, напоилъ чаемъ, узналъ въ пріѣхавшихъ флигель-адъютанта Гогеля, подполковника жандармовъ Брянчанинова и фельдъегеря капитана Иностранцева. Они пріѣхали по дѣлу Иринея, которое было принято въ Питерѣ весьма серьезно. Спустя часъ, пришелъ и Лавинскій. Тутъ объяснилось, что Гогель привезъ собственноручный рескриптъ Лавинскому, съ повелѣніемъ: отправить Иринея подъ надзоромъ Брянчанинова, какъ сказано въ указѣ Снода. Въ послѣднемъ говорилось, что по разстройству умственныхъ способностей, архіепископъ Иринея помѣщается въ Прилуцкомъ монастырѣ, что около Вологды, на дьячковскую вакансію.

Балъ шелъ наверху, а въ кабинетѣ уговаривались, какъ завтра объявить Иринею. Прибывшіе оставались секретомъ для всего Иркутска и, кажется имъ приказано было въѣхать въ городъ ночью.

На другой день, около 11-ти часовъ утра, собрались къ генералъ-губернатору всѣ старшіе чины Иркутска въ мундирахъ и отправились къ Иринею. Онъ принялъ прибывшихъ безъ смущенія. Флигель-адъютантъ Гогель, въ присутствіи архіепископа, подалъ Лавинскому запечатанный конвертъ съ рескриптомъ, который громко и прочиталъ Лавинскій, стоя. Потомъ, тотъ же Гогель подалъ запечатанный указъ Снода. Все шло чинно, и Иринею не показывалъ тревоги. У дверей

стоялъ фельдъегерь Иностранцевъ. Иринея спокойно спросилъ: а это кто стоитъ у дверей? Ему сказали, что это присланъ фельдъегерь, для заготовленія лошадей въ пути его. Иринея расхохотался и сказалъ:

— Полноте играть комедію наряженныхъ, вы, сочиняя комедію забыли по формѣ нарядить фельдъегеря. Г-нъ фельдъегерь, почему у васъ черное перо въ шляпѣ, у васъ по формѣ должно быть бѣлое перо! И этого маскарада не умѣли сочинить, ступайте всѣ, довольно для меня забавы, идите и дайте мнѣ покой.

Тогда только мы взглянули и увидѣли, что дѣйствительно перо въ шляпѣ было черное; онъ объяснилъ, что свое бѣлое перо потерялъ дорогою, а въ Иркутскѣ—нѣтъ бѣлыхъ перьевъ, то онъ и взялъ у пѣхотнаго офицера. Но тутъ Брянчаниновъ что-то шепнулъ Иринею на ухо. Тогда архіерей поблѣднѣлъ и покорился, просилъ показать ему подпись Государя на рескриптѣ, съ благоговѣніемъ сложилъ руки на груди и поцѣловалъ подпись.

Глухой, теплый и покойный возокъ былъ готовъ скоро. Ночью Брянчаниновъ усадилъ Иринея, заперъ дверцы на ключъ и взялъ его себѣ въ карманъ. По дорогѣ, запрещено было подходить къ возку, и Брянчаниновъ ни шагу не отступалъ отъ Иринея».

Преосвященный Иринея былъ заключенъ въ Вологодскомъ Прилуцкомъ монастырѣ, безъ права выѣзда изъ него. Здѣсь онъ пробылъ 17 лѣтъ. Только уже въ 1848 г. ему данъ былъ въ самостоятельное управленіе Ярославскій Толгскій монастырь, гдѣ онъ и скончался.

Такимъ образомъ жизнь преосвящ. Иринея дѣлится на три періода: законоучительство въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ является передъ нами въ высшей степени добрымъ человѣкомъ, горячо любимымъ дѣтьми; годовое управленіе Иркутской епархіей, сплошь наполненное эксцентричными вы-

ходками, нерѣдко граничившими съ жестокостію (напримѣръ, требованіе, чтобы сослужащее ему духовенство по получасу ожидало его на морозѣ), и наконецъ жизнь въ монастырѣ, гдѣ онъ опять сдѣлался тѣмъ же добрымъ человѣкомъ, какимъ былъ и ранѣе.

Спрашивается, чѣмъ объяснить эти неровности въ характерѣ преосвящ. Иринея? Пытались объяснить ихъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Но преосвящ. Иринея, какъ извѣстно, скончался въ здоровомъ умѣ. Поэтому нужно поискать другого объясненія, и, намъ кажется, что приведенные сейчасъ отрывки изъ воспоминаній его современниковъ даютъ достаточно много матеріала для этого объясненія. Намъ кажется, что и на Иркутской кафедрѣ преосвящ. Иринея былъ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и раньше и позднѣе, т. е. добросовѣстнымъ и дѣльнымъ работникомъ. Но все его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ не годился на первыя роли. И дѣйствительно, пока ему приходилось дѣлать небольшое дѣло и не имѣть особенной власти, онъ весь уходилъ въ свое дѣло и безъ особенныхъ поводовъ никого не трогалъ. Но какъ только онъ всталъ во главѣ цѣлой епархіи, положеніе его рѣзко измѣнилось. Какъ и прежде, онъ хотѣлъ все дѣлать самъ. Но новое дѣло было уже дѣло большее, дѣло непосильное одному человѣку. И вотъ преосвящ. Иринея началъ горячиться, подгонять своихъ помощниковъ, нервничать, и кончилъ эксцентричностями, за которыя и поплатился такъ жестоко.

Молебенъ о бездождіи у инородцевъ Молькинскаго вѣдомства.

Инородцы Молькинскаго вѣдомства вмѣстѣ съ прочими сосѣдями окрестныхъ русскихъ деревень за послѣдніе 8 лѣтъ переживаютъ трудные годы неурожая хлѣбовъ и сѣна. Ско-

товодство уменьшилось, хозяйство пало, недоимки увеличились, общественные хлѣбные магазины опустѣли и часть минувшаго года нѣкоторые молькинцы питались казеннымъ хлѣбомъ.

Въ 1903 г., если бы Господь Богъ не смилосердился надъ нами, нельзя было бы и представить картину раззоренія.

По изобилію снѣга съ начала года предполагали хорошій урожай, но видно больше Бога не быть.

Пришла весна, снѣгъ скоро стаялъ и земледѣльцы со своей полевой работой поправлялись съ поспѣшностію. Минувалъ Май мѣсяць, дождей нѣтъ, всходы испортились и въ будущемъ не предвидѣлось ничего радостнаго. Въ началѣ Іюня мѣсяца появился врагъ посѣвовъ—кобылка, которая и уничтожила зелень хлѣбовъ въ большомъ количествѣ.

Видя это, Молькинцы обратились къ своему Создателю съ покаянною молитвою.

Давно уже шаманисты вмѣстѣ съ нѣкоторою частію крещеныхъ инородцевъ совершали свои религіозные обряды съ моленіемъ о дождѣ. Каждый почти инородческій родъ дѣлалъ тайлаганы и брызганія. Часто можно было слышать заунывный протяжный голосъ шамана вечеромъ, или видѣть огонекъ и толпу бурятъ на степи или берегу рѣки при проѣздѣ чрезъ улусы. Но моленіе не приносило пользы, дожда не было и утро слѣдующаго дня не приносило отрады и утѣшенія. Дни стояли очень знойные, жаръ нестерпимый и на небѣ не видать даже маленькаго облачка.

Предположено было отслужить вблизи храма и Управы молебенъ о бездождіи и дано знать инородцамъ. 3-й Бараевскій и 4-й Холтубаевскій рода пожелали отдѣльно поднять св. Иконы на свои поля и помолиться тамъ.—День молебна былъ назначенъ 13 Іюня. Въ этотъ день народъ собрался въ праздничныхъ одеждахъ съ серьезными лицами, сознавая

свое ничтожество предъ Творцомъ міра и величіе Его. Между ясачными (часть рода 4 Холтубаева) были и буряты. Иные пришли полюбопытствовать, другіе — проводить мѣстнаго о. благочиннаго, Аларскаго миссіонера, священника Николая Затоиляева, пріѣзжавшаго на ревизію стана, а нѣкоторые и помолиться.

День былъ жаркій. Уже съ утра сильно пекло, а къ полудню ожидать нужно было еще большаго. Небо было чистое, синее и на немъ не было ни малѣйшаго признака облачка. Трава пожелтѣла, пыль столбомъ носилась въ воздухъ и осыпала все, скотъ понутивъ голову едва двигался.

Помолившись въ храмѣ, понесли св. Иконы на поля подъ звонъ колоколовъ. Толпа богомольцевъ утопала въ пыли. Праздничныя одежды скоро покрылись толстымъ слоемъ пыли.

Вотъ и первое поле на довольно крутой горѣ. Шествіе остановилось и о. миссіонеръ обратился къ богомольцамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Братіе, христіане! Сейчасъ мы пришли сюда помолиться Господу Богу о дарованіи дождя для роста хлѣбовъ и травъ. Мы своими грѣхами прогнѣвили Господа Бога, Который и наказываетъ насъ за непослушаніе и неисполненіе Его заповѣдей не однимъ уже годомъ неурожая. Будемъ каяться Ему, Творцу Міра, слезно молить Его о прощеніи грѣховъ и плакать предъ Нимъ за свою немощь. Господь — Милостивый не оставитъ насъ своею благостію, ороситъ нашу засохшую землю обильнымъ дождемъ и дастъ пищу всѣмъ сотвореннымъ тварямъ. Только нужно усердіе къ молитвѣ.

До Рождества Христова было царство израильское, выдѣлившееся изъ еврейскаго. Царемъ былъ нечестивый Ахавъ. Въ царствованіе его народъ совершенно почти забылъ истиннаго Бога и началъ кланяться выдуманнѣмъ богамъ — звѣрямъ,

деревьямъ, рѣкамъ и разнымъ идоламъ. Человѣкъ, имѣя душу разумную, свободную и безсмертную, началъ молиться неразумнымъ предметамъ, которые до грѣхопаденія въ рай были въ полной власти прародителей. Для проповѣдыванія покаянія среди заблудшаго народа Богъ послалъ св. пророка Илію. Народъ не послушался голоса Илія и кланялся идоламъ. За это Господь наказалъ израильскій народъ засухою. Прошло $3\frac{1}{2}$ года послѣ сего, хлѣба не было, а рѣчки и ручьи пересохли. Тогда царь Ахавъ призвалъ св. пророка и просилъ его помолиться Богу о дарованіи дождя землѣ. Чтобы показать могущество истиннаго Бога, св. пророкъ Илія велѣлъ сначала языческимъ жрецамъ принести жертву и молить своего бога Ваала и, если не будетъ дождя, тогда онъ помолить Своего Бога. Такъ и было сдѣлано. До самаго вечера язычники молили своего бога дать дождя, но дождя не было. Послѣ сего, св. пророкъ сдѣлалъ изъ камня жертвенникъ, окопалъ его ямою, положилъ жертву и залилъ ее и яму водою, дабы кто не подумалъ что гдѣ-нибудь скрытъ огонь. Еще не успѣлъ св. Илія окончить свою молитву, какъ съ неба сошелъ огонь и сжегъ всю жертву, а затѣмъ пошелъ дождь. Тогда израильтяне покаялись въ своемъ заблужденіи и обратились къ Богу.

Братіе! будемъ и мы усердно молиться Богу и плакать о своихъ грѣхахъ, чтобы Господь и нашу молитву принялъ и даровалъ бы дождя. Будемъ надѣяться на Бога, который покажетъ Свою силу и могущество шаманствующимъ буратамъ, совершающимъ свои языческіе моленія и тайлаганы».

Начался молебенъ, всѣ молящіеся опустили на колѣни и тихо повторяли слова молитвы: «Даждь дождь земли жаждущей, Спасе!».

Молебенъ кончился, народъ былъ окропленъ св. водою и крестный ходъ двинулся далѣе. Мѣстность неровная, идти

приходилось съ горы на гору, горы все довольно крутыя. Но въ несеніи св. Иконъ подмогали и буряты, молившіеся, сидя на колѣняхъ. Послѣ полдня жаръ уменьшился, подулъ маленькій вѣтерокъ и на небѣ начали появляться облачка. «Дай-то Богъ дождя», говорили ясачные. «Дождь надо, хлѣбъ пропалъ—гхуро хэрэктэ, таря хосоро,—повторяли буряты.

Господь смилосердился надъ нами. Къ вечеру небо заволокло тучами, жаръ свалилъ, повѣяло прохладой, пробѣжалъ вѣтерокъ. Молящіеся не знали усталости и продолжали молитву.

Между тѣмъ отъ приближающагося вечера и накопившихся тучъ стало темно. При словахъ молитвы: «заповѣждь облакомъ еже одождити дождь.... умилосердися на старцы и юноши, и младенцы».... (Молитва 2-я о бездождіи) раздался первый ударъ грома, вблизи на «парахъ» стоявшее дерево треснуло и повалилось на землю. Богоносы и народъ упали на колѣни. Наступила тишина, среди которой слышенъ былъ только голосъ служившихъ молебень, шелестъ хоругвей и раскаты грома съ молніей. Перешли еще и еще нѣсколько полей. Вотъ упала капля дождя, другая, третья... и дождь сильно полился на землю. Пыль превратилась въ грязь. Спускаться съ горы сдѣлалось трудно и скользко. Съ праздничныхъ нарядовъ богомольцевъ текли черныя полосы грязи. Скоро не осталось сухой нитки. Но народъ былъ бодръ, онъ вздохнулъ теперь всею грудью и благодарилъ Бога за Его великую милость. Не заходя въ деревню, крестный ходъ двинулся въ станъ, до котораго было 10 верстъ. Идти приходилось по грязи. Но это никого не смущало, напротивъ вездѣ слышалось: «Слава Богу! Какъ насъ Господь сильно смочилъ, такъ и земля промокнетъ». Не смотря на трудную дорогу—вѣтеръ, дождь, громъ и молнію, крестный ходъ дошелъ до храма довольно скоро. По совершеніи молебна въ храмъ и

напутственного слова народъ уже поздно возвратился по домамъ, славя Бога.

Послѣ сего почти ежедневно перепали дожди. Трава и хлѣбъ поправились хорошо. Урожайъ удовлетворительный. Вотъ впечатлѣнія бурята о молебнѣ: «наша тайлага не могла бога молить, русска молила и дождя далъ. Наша бсѣ водка пила, пьяна была, спить, а русска Бога молилъ, Бога носилъ, ничего не ѣлъ».

Юные христіане не оставили безъ вниманія храмъ Божій. Нынѣ церковное Попечительство, благодаря щедрой жертвѣ инородцевъ, приобрѣло много цѣнныхъ вещей для храма. «Нашъ батьха Бога молилъ, дождя была, хлѣба ладно, Богу жертва давать надо», говорили жертвовавшіе. Вещи были всѣ освящены 8 Ноября. Подробности объ этомъ сообщены въ № 24 Иркутскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей за 1903 г.

Приношу глубокую благодарность всѣмъ жертвовавшимъ и трудящимся на пользу Церкви и Миссіи.

Дай Господь, чтобы сердца юныхъ христіанъ чаще обращались съ молитвою ко Всевышнему и возгорались любовію къ св. Храму.

Миссіонеръ, Священникъ *Василій Васильевъ*.

Одно изъ рѣдкихъ событій въ церковной жизни*).

Въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста 24 февраля 1778 года въ Иркутскомъ Знаменскомъ женскомъ монастырѣ въ Казанской церкви шла поздняя литургія. Служилъ старшій священникъ монастыря Алексѣй Карповъ престарѣлыхъ лѣтъ. Между богомольцами были и причастники числомъ до

*) Дѣло Иркутской Духовной Консисторіи № 28.

девятнадцати человекъ. Во время службы пришелъ второй священникъ Максимъ Колодезниковъ, отслужившій раннюю литургію въ Знаменской церкви и сталъ на лѣвый клиросъ. Во время приобщенія исповѣдниковъ священникомъ Карповымъ, пришелъ на лѣвый клиросъ дьячекъ Илья Шуминъ и объявилъ священнику Колодезникову, что во время приобщенія, невѣдомо какимъ случаемъ, священникомъ Карповымъ Св. Тайны, то есть святая и животворящая кровь Христова и частицы изъ потира, пролиты были на пелену, и съ пелены имъ, священникомъ Карповымъ, собираемы были лжицею. Пелена была держима имъ, дьячкомъ Шуминымъ, и церковнымъ сторожемъ Дмитріемъ Павлусекиемъ. Сквозь пелену св. кровь накапала прямо царскихъ вратъ на помостъ церковный.

По уходѣ священника Карпова въ алтарь, священникъ Колодезниковъ взялъ съ жертвенника губу и ею вытеръ мокроту съ помоста церковнаго, и копіемъ, а потомъ скобелемъ выскоблилъ это мѣсто, и эти остружины сожжены, но пепель имѣется еще на лицо. Бромъ того, на положенной на св. Престолѣ пеленѣ еще оказалась Тѣла Христова одна частица, которая имъ съ полу и поднята, и положена была къ той-же частицѣ на пелену, и обѣ эти частицы священникомъ Карповымъ для употребленія положены въ потиръ.

Священникъ Максимъ Колодезниковъ покорнѣйшимъ доношеніемъ отъ 1-го Марта 1778 года представилъ пролитіе Св. Тайнъ священникомъ Алексѣемъ Карповымъ Великому Господину, Преосвященному Михаилу, Епископу Иркутскому и Нерчинскому.

Преосвященный Михаилъ 1-й отнесся къ этому дѣлу съ пониманіемъ причинъ его и положилъ: «По почтительному извѣстію остружины высыпать подъ престолъ сожегши, также и покровецъ вымывши трижды въ водѣ положить подъ престолъ, а священника Карпова послать въ Вознесенскій мо-

настырь для исполненія епитиміи, хотя то и не нарочно имъ учинено, но по старости и слабости; священнику-же Максиму, что онъ стоявъ на клиросѣ, не предостерегъ своего товарища, вѣдая о его старости, исполнять епитимію при своей церкви полагая земныхъ поклоновъ чрезъ мѣсяць по всѣмъ сутки по пятьдесятъ. 1778 году, Марта 10 дня».

Въ слышаніи и въ исполненіи резолюціи Его Преосвященства священникъ Максимъ Колодезниковъ подписался; священника же Алексѣя Карпова подписи нѣтъ.

Д. Хрусталева,

Изъ жизни православной церкви въ Японіи.

По давно установившемуся обыкновенію, лѣтомъ 1903 года, къ празднику Свв. Апостоловъ Петра и Павла, собрался весь штатъ японскаго православнаго духовенства на соборъ, созванный при Русской Духовной Миссіи въ Токио.

Въ немъ приняли участіе, кромѣ преосвященнаго Николая, 26 священниковъ. Первое засѣданіе собора было открыто 2 (15) іюля, въ 10 часовъ утра, въ кафедральномъ соборѣ Воскресенія Христова, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Николая. Послѣ молитвы предъ началомъ засѣданія, преосвященный произнесъ краткую рѣчь.

Окончивъ рѣчь приглашеніемъ всѣхъ членовъ вознести благодареніе Господу за успѣхи проповѣди, преосвященный Николай предложилъ на ихъ разсмотрѣніе общій отчетъ о дѣятельности Японской Духовной Миссіи, составленный на основаніи частныхъ отчетовъ отъ всѣхъ 26 приходовъ, разсѣянныхъ по всей Японіи.

Православныхъ общинъ оказалось 260. Духовенства — 40 человекъ: епископъ, 1 русскій священникъ, 29 японцевъ—

священниковъ, 1 русскій діаконъ, 8 японцевъ—діаконовъ. Катехизаторовъ 149 чел. Христіанъ 27.966 чел. (больше прошлогодняго на 721 чел.). Храмовъ или молитвенныхъ домовъ 174. Воспитанниковъ миссійскихъ школъ 177 чел. (больше прошлогодняго на 45 чел.). Учениковъ дѣтскихъ школъ въ разныхъ приходахъ 1.416 чемов. (больше прошлогодняго на 248 человѣкъ).

Сумма пожертвованій въ пользу церкви 8.771 ень 93 сень.

Общая стоимость имущества, принадлежащихъ всѣмъ мѣстнымъ общинамъ,—84,398 ень 73 сень.

Когда соборно былъ утверждень отчетъ, всѣ члены собора, по приглашенію преосвященнаго, положили земной поклонъ противъ царскихъ вратъ, въ знакъ благодаренія за успѣхи проповѣди.

Засѣданіе кончилось молитвой и заключительною рѣчью преосвященнаго Николая.

«Поздравляю васъ, отцы іереи, съ окончаніемъ собора, сказалъ онъ. По возвращеніи въ свои приходы, наставляйте катехизаторовъ достойно служить Церкви».

Затѣмъ онъ коснулся вопроса, очень важнаго для японскихъ христіанъ: какъ имъ вести себя въ томъ печальномъ случаѣ, если бы неминуема была война съ Россіей?

«Нѣкоторые изъ васъ,—говорилъ преосвященный,—даже письменно спрашивали меня объ этомъ. Говорятъ, будто это послужитъ большимъ препятствіемъ для проповѣди Православія. Напрасно вы думаете: это не можетъ имѣть никакого отношенія къ нашей проповѣди. И вы должны внушать всѣмъ эту мысль. Я самъ молюсь, чтобы совсѣмъ не было войны.

«Если же,—продолжаетъ онъ,—все-таки не избѣгнуть намъ несчастія увидѣть войну, то вы, японцы, конечно, должны сражаться за Японію и осуществить христіанскую любовь въ своихъ самоотверженныхъ дѣйствіяхъ. Воевать съ врагами вовсе не значитъ ненавидѣть ихъ, а только защищать свое отечество.

«Во всякомъ случаѣ, война ничуть не можетъ мѣшать проповѣди... Впрочемъ, я не думаю, чтобы была война. Я постоянно молюсь Господу Богу о мирѣ, и твердо вѣрю, что помощь Божія будетъ намъ.»

Наконецъ преосвященный Николай сообщилъ присутствовавшимъ членамъ собора о прославленіи святаго старца Серафима. Охарактеризовавъ вкратцѣ новаго святаго, онъ заключилъ свою рѣчь такъ:

«Итакъ, мы приобрѣли себѣ еще одного богомольца на небѣ. Онъ былъ особенно любвеобильный святой: кто бы ни являлся къ нему, изъ его устъ всегда вырывались одинаково привѣтливныя слова: «радость моя!» Теперь идите назадъ, да исполняйте волю Божию. Я радовался, увидѣвъ васъ, и вы радовались. Опять возьмите заботу каждый о своей паствѣ, дабы процвѣтала Церковь Божія. Да поможетъ намъ Св. Серафимъ! Аминь.» («Моск. Вѣд.», № 306).

Изъявленіе благодарности.

Причтъ Большеразводинской Петро-Павловской церкви и староста Новоямской церкви, приписной къ Большеразводинской, считаютъ долгомъ засвидѣтельствовать искреннюю и глубочайшую благодарность: Настоятельница Иркутскаго Знаменскаго монастыря Игуменія Рафаилъ за пожертвованіе

100 р. наличными деньгами и 2-хъ яруснаго иконостаса съ 12-ю иконами стоимостіе свыше 1000 р., Иркутской мѣщанкѣ Аннѣ Іоакимовнѣ Хорошевой за пожертвованіе 285 р. 50 к. наличными деньгами; Иркутской мѣщанкѣ Маріи Герасимовнѣ Граниной за пожертвованіе 125 р. на покупку колоколовъ, Иркутскому мѣщанину Иннокентію Аванасьевичу Люблинскому за пожертвованіе плащаницы съ гробницею, за престольнаго трехсвѣчника, 4 среднихъ подсвѣчниковъ, 2 на престольныхъ креста, 2 малыхъ Евангелія и проч. церковной утвари на сумму 252 р. 90 к., Иркутской мѣщанкѣ Екатериинѣ Петровнѣ Облассиковой за пожертвованіе иконы само-написавшейся Божіей Матери въ кіотѣ стоимостію 225 р. и мѣдный посеребренный подсвѣчникъ 25 р., Иркутскому мѣщанину Николаю Васильевичу Ботлевскому за пожертвованіе камня для церковнаго фундамента и на купола кресты на сумму 130 р., чиновнической дочери Антонинѣ Михайловнѣ Филипповой за пожертвованіе наличными деньгами 120 р., чиновнику Петру Михайловичу Байбородину за пожертвованіе иконы Казанской Божіей Матери стоимостію 50 р. и наличными деньгами 80 р., Иркутскому мѣщанину Якову Григорьевичу Пѣняеву за пожертвованіе сосуда металлическо-вызолоченнаго съ проч. принадлежностями, дароносицу и двѣ тарелочки на 106 р., Иркутской мѣщанкѣ Параскевѣ Ивановнѣ Фроловой за пожертвованіе мѣстныхъ иконъ Спасителя и Божіей Матери стоимостію 80 р., Иркутскому мѣщанину Леониду Ивановичу Шипунову за пожертвованіе иконы св. пророка Іліи стоимостію 40 руб., крестьянкѣ Новоямскаго селенія Анастасіи Θεодоровнѣ Скворцовой за пожертвованіе наличными деньгами 25 р. и стараніемъ ея собрано отъ разныхъ жертвователей 75 р., Иркутской мѣщанкѣ Александрѣ Васильевнѣ Зыряновой за пожертвованіе пяти концовъ шерстяныхъ половиковъ, 23 аршинъ холста, 2-хъ скатертей, малаго подсвѣчника и сундука для храненія ризницы на

сумму 60 р., личному почетному гражданину Петру Никандровичу Топоркову за пожертвованіе наличными деньгами 45 р., Иркутскому мѣщанину Ильѣ Михайловичу Звѣреву за безплатно выкрашенные: церковной крыши, куполовъ и оконныхъ колодъ, готовымъ матеріаломъ; Иркутскому мѣщанину Константину Павловичу Ивоитальянову за пожертвованіе малаго паникадила стоимостію 40 р., Иркутскимъ мѣщанамъ Георгію Ивановичу Смагину и Александру Гавриловичу Михайлову за пожертвованіе бархатнаго покрывала для плащаницы и одного полного священническаго облаченія стоимостію 130 р., Иркутскому мѣщанину Николаю Александровичу Алексѣеву за пожертвованіе около десятины усадебной земли подъ постройку Новоямскаго храма стоимостію 150 р., Иркутскимъ мѣщанамъ Владиміру и Екатеринѣ Шварцовымъ за пожертвованіе большого паникадила стоимостію 80 р., Иркутскому 1-й гильдіи купцу Стефану Ивановичу Тѣльныхъ за пожертвованіе листоваго желѣза на 50 р., Иркутской казачкѣ Бѣлоусовой за пожертвованіе иконы Спасителя и одного полного священническаго облаченія стоимостію 200 р., полковнику Михаилу Павловичу Гудимъ за пожертвованіе наличными деньгами 25 р., Иркутской мѣщанкѣ Екатеринѣ Алексѣевой Шаламовой за пожертвованіе напрестольной одежды стоимостію 30 р., Иркутскому мѣщанину Косъмъ Димитріевичу Кузмичеву за пожертвованіе напрестольной и аналойной одеждъ стоимостію 60 р., Иркутской мѣщанкѣ Евдокіи Ивановнѣ Сергѣевой за пожертвованіе одного полного священническаго облаченія стоимостію 60 р., крестьянину Новоямскаго селенія Николаю Григорьевичу Карнилову за пожертвованіе кирпича на 35 р., чиновнику Михаилу Григорьевичу Филиппову за пожертвованіе кирпича на 30 р., чиновнику Константину Никитину Солдатову за пожертвованіе наличными деньгами 40 р., Иркутскому мѣщанину Александру Васильевичу Бобышеву за пожертвованіе колокола въ 10 ф.,

листоваго желѣза для контрмарки и безвозмездно сдѣланы двѣ оконныя рѣшетки изъ готоваго желѣза всего на сумму 50 р. и бывшему ключарю Иркутскаго кафедральнаго собора отцу Милію Чефранову за пожертвованіе большого напестольнаго Евангелія стоимостью 40 руб.

Причтъ не престанетъ молиться предъ престоломъ Божиимъ о здравіи и спасеніи благотворителей.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЖИВОПИСЕЦЪ

Михаиль Александровичъ Рутченко

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ:

Иконостасной (на золотыхъ чеканныхъ и эмалированныхъ фонахъ), портретной, стѣнной и проч. живописи.

Доставляетъ свѣдѣнія по устройству иконостасовъ.

Исполняетъ чертежи и виньетки.

Даётъ указанія и акварельные рисунки по художественной окраскѣ зданій.

Сообщаетъ, гдѣ и какія выгодно пріобрѣтать художественно изданныя религіозныя и другія картины въ краскахъ и однотонныя, а такъ же исполняетъ рисунки (клишэ) для печатанія въ типо-литографіяхъ и хромолитографіяхъ.

На отвѣтъ прилагать марку.

Иркутскъ, Ланинская улица, домъ № 78-й.

(8—24).

ОТЪ ОТДѢЛЕНІЯ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ

ТОРГОВАГО ДОМА

БР. В. и И. РЫСІНЫ

въ Царицынѣ.

По требованію высылаются Иконы Преподобнаго СЕРА-

ФИЛА, Саратовскаго чудотв., **Фряжской** лучшей работы по золотому чеканному фону.

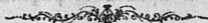
Мѣра: 7, 10, 16, 20, 24, 32, 36 вершковъ.

Цѣна 12, 18, 30, 40, 55, 75, 100 рублей.

А также и другихъ работъ на разныя цѣны.

Бр. Рысины.

(3-17).

(48-8)

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Архіерейскія служенія.— Къ характеристикѣ Пресвященнаго Иринея, бывшаго Архіепископа Иркутскаго.— Молебенъ о бездождіи у инородцевъ Молькинскаго вѣломства.— Одно изъ рѣдкихъ событій въ церковной жизни.— Изъ жизни православной церкви въ Японіи.— Изъявленіе благодарности.— Объявленія.

Редакторъ, священникъ **И. Подгорбушскій.**

Печатать разрѣшается: Испр. должность цензора, священникъ **І. Дроздовъ.**
Января 28-го дня, 1904 года.

Иркутскъ, 1904 г. Типографія А. А. Сизыхъ, Большая улица, д. Милевскаго.